

Зелёный бамбук покачивался на ветру, а его мелкие листья шелестели.

Пик Юйсяо находился в самом центре горы Тайхуа, окруженный остальными шестью пиками, и занимал высшую точку духовной жилы земного ранга. Только барьеров первого уровня на пике Юйсяо насчитывалось ровно восемьдесят один — девять раз по девять; барьеров второго уровня было тридцать шесть, что в точности соответствовало тридцати шести провинциям континента Сюаньтянь; а барьеров третьего уровня имелось девять, символизируя возвращение к единению.

На самой вершине горы объединенными усилиями всех прошлых старейшин высшего уровня горы Тайхуа была даже установлена запечатывающая небеса великая формация, способная удерживать любых практиков ниже стадии Очищения Пустоты.

Если гора Тайхуа была священной землей для всех заклинателей под небесами, то пик Юйсяо являлся ее фундаментальной основой.

На пике Юйсяо уже тринадцать поколений подряд брали лишь по одному ученику, и на то было две причины. Первая заключалась в том, что требования к ученикам на пике Юйсяо были слишком высоки: необходимы были врожденные данные высочайшего качества. Вторая — воспитание ученика требовало огромных душевных сил и труда. Если бы речь шла просто о наборе учеников, в этом не было бы никаких проблем, однако на пике Юйсяо учеников брали с расчетом на то, что они вырастут в старейшин высшего уровня внутри секты.

Сюань Линцзы практиковал всего триста шестнадцать лет и на сегодняшний день оставался единственным в мире практикующим стадии Очищения Пустоты. Ло Цзяньцин в семнадцать лет заложил основы, а в тридцать два сформировал Золотое Ядро, уже став выдающимся талантом своего поколения, и не было сомнений, что однажды он непременно ступит на стадию Очищения Пустоты.

А сейчас Сюань Линцзы опустил взгляд на покрытые кровавыми следами ладони своего ученика и хранил молчание.

Тело практика на средней стадии Золотого Ядра уже стало твердым как железо, и ранить его было непросто.

Эти похожие на полумесяцы следы явно оставили только что, причем их владелец нанес их собственными ногтями. Какая же нужна была решимость, чтобы пальцами, лишенными ногтей, проткнуть такую прочную кожу, до боли и кровотечения?

Сюань Линцзы не стал ни о чем расспрашивать. Лишь взмахнув рукавом, он достал из накопительного кольца небольшой бело-нефритовый флажок, извлек каплю росы Чистоцвета и бережно нанес ее на каждую ранку. Округлые подушечки пальцев мягко скользнули по нежной коже ладони, отчего тело Ло Цзяньцина слегка задрожало, а по руке побежали щекочущие, онемевающие мурашки.

Даже во время нанесения духовного лекарства Сюань Линцзы оставался столь же отрешенным и спокойным, без малейших колебаний.

Его узкие глаза были слегка опущены, белые даосские одежды придавали ему горделивый и отрешенный вид, а золотой узор меча между бровей делал возвышенным, стоящим вне мира сего, величественным и суровым — к нему не смели приближаться. Тщательно смазав раны на левой ладони Ло Цзяньцина, он с привычной плавностью хотел взять его за другую руку.

Как вдруг Ло Цзяньцин неожиданно отдернул руку и хриплым голосом произнес:

— Учитель, я сам.

Движения Сюань Линцзы внезапно замерли. Спустя мгновение он легко кивнул и протянул флакон с росой Чистоцвета.

Ло Цзяньцин набрал немного бледно-зеленой мази и принялся мазать собственную правую ладонь.

Он владел мечом правой рукой, и для мечника это была самая важная рука. Левая уже стала такой чувствительной, и если бы этот человек действительно стал помогать ему накладывать мазь на правую ладонь, он не знал, на что бы отважился.

Через мгновение Ло Цзяньцин закончил мазать раны.

Бледно-зеленая мазь тут же растаяла, и Ло Цзяньцин почувствовал в местах порезов легкий зуд и покалывание. Подняв руку, чтобы взглянуть, он увидел, что эти мелкие ранки уже затянулись, оставив лишь бледно-розовые шрамы.

Сюань Линцзы тихо сказал:

— Оставь эту склянку с росой Чистоцвета у себя, больше не калечь себя.

Ло Цзяньцин кивнул в знак согласия.

Буквально через мгновение оба оказались на открытой площадке перед бамбуковой хижинкой, готовясь к тренировке с мечом.

Ло Цзяньцин сжал в правой руке меч, его взгляд превратился в тонкую нить, и он холодно и строго устремил его вперед, словно там действительно стоял враг. Меч Шуанфу в его руке отозвался на зов, нетерпеливо испуская волны лазурного сияния, словно уже едва сдерживался.

В следующее мгновение вспыхнули движения меча, взметнулся яркий световой поток.

Длинный меч рассекал воздух, полы одежд развевались, и лазурный блеск меча закружился среди изумрудных бамбуков подобно плывущему дракону, поднимая тучи пыли. Резкая, пронзительная ци меча мощным потоком пронеслась по всей бамбуковой роще, но мастерски рассчитанная точность не позволила причинить вреда самим стеблям — они лишь яростно раскачивались.

Меч был именным артефактом земного ранга, а владевший им человек — сильнейшим мастером молодого поколения.

Черные волосы развевались без ветра, а изящное, несравненно прекрасное лицо то появлялось, то исчезало среди изящных ударов меча. Его облик был не от мира сего, а ци меча разила наповал. Увидь младшая соратница эту картину, ее сердце наверняка затрепетало бы от весеннего чувства, однако сейчас за происходящим со стороны наблюдал лишь Сюань Линцзы — он лишь равнодушно опустил взгляд, не высказав никаких оценок.

Когда эта тренировка подошла к концу, Ло Цзяньцин с мечом Шуанфу в руке вернулся к бамбуковой хижине.

— Учитель, этот меч слился с моим сердцем воедино.

Сюань Линцзы отрешенно кивнул:

— Мм, продолжай усердно тренироваться.

— Слушаюсь.

Пот уже намочил пряди волос, в ярких глазах переливался влажный блеск, губы Ло Цзяньцина алели, а на щеках играл румянец. И без того прекрасное, подобное бессмертному лицо в этот момент приобрело поразительную красоту — словно самая зыбкая и ослепительная полоска заката над гладью живописного озера, до предела воплощавшая всю красоту поднебесной и уже перешагнувшая за грани пола.

Однако Сюань Линцзы никак на это не отреагировал. Дав еще несколько наставлений по незначительным мелочам, он шагнул вперед и ушел.

Ло Цзяньцин слегка замер и машинально окликнул:

— Учитель!

Сюань Линцзы обернулся:

— В чем дело?

Ло Цзяньцин долго покусывал губы, прежде чем произнести:

— Учитель, как надолго вы намерены уединиться для медитации в этот раз?

Словно застигнутый врасплох вопросом, Сюань Линцзы ответил лишь спустя мгновение:

— Короче — полгода, дольше — три года.

Лицо Ло Цзяньцина помрачнело.

Это разительно отличалось от прошлой жизни.

В прошлой жизни, приняв этого человека — Ли Сючэня, Сюань Линцзы не уединялся для медитации вообще ни разу. Целых восемнадцать лет он тратил уйму времени на тщательное обучение Ли Сючэня, благодаря чему тот парень без врожденных данных заложил основы в двадцать лет и даже обрел способность сражаться с противниками более высокого уровня.

В прошлой жизни он сам уже достиг стадии Золотого Ядра позднего периода великой полноты, до вступления на стадию Зарождающегося Младенца оставался всего один шаг. Но тогда Ли Сючэню исполнилось лишь тридцать четыре года, и он находился лишь на поздней стадии Заложения Основ, однако сумел повести за собой толпу праведных деятелей и, перешагнув через целую великую ступень развития, вонзить этот меч ему в сердце.

Пока существовал Ли Сючэнь, этот человек никогда не уединялся для медитации, предпочитая целых восемнадцать лет держать свою культивацию на начальной стадии Очищения Пустоты; теперь же, когда Ли Сючэня не было рядом, этот человек немедленно возвращался к затворничеству, бросив ему напоследок несколько незначительных фраз и не сказав больше ни слова.

Горечь во рту медленно переросла в жгучую боль и, в конце концов, превратилась в бушующее пламя, опалявшее сердце Ло Цзяньцина.

На красивом, отрешенном лице не осталось и следа прежнего трепета. Сложив руки в приветствии, Ло Цзяньцин бесстрастно произнес:

— Учитель, ученик хотел бы получить вашу табличку старейшины высшего уровня, чтобы изгнать из горной обители начинающего адепта, который вовсе не должен был попадать на гору Тайхуа.

Ло Цзяньцин продолжал стоять с опущенной головой, ожидая ответа Сюань Линцзы. Прошло немало времени, прежде чем он услышал равнодушный вопрос собеседника:

— Почему?

Ло Цзяньцин продолжил:

— Разве вы не хотите спросить, кто это?

Сюань Линцзы обронил:

— Наверное, тот парень, что только что хотел присоединиться к пику Юйсяо.

Тело Ло Цзяньцина напряглось.

Его учитель никогда никого не запоминал. Он даже имен семи лучших учеников с семи пиков горы Тайхуа толком не запомнил, а теперь неожиданно вспомнил Ли Сючэня.

Ло Цзяньцин опустил взгляд, спрятав брови, а его голос стал еще холоднее:

— Это он. Учитель, на Тропе Грома Цзяньцин собственными глазами видел, как он намеренно сделал шаг назад, спрятавшись за спиной шедшей с ним девяти- или десятилетней девчушки, и даже тянул ее за край одежды, заставляя полностью заслонять его от молний. Столь бессовестному и несправедному негодю не место на нашей горе Тайхуа, прошу учителя проявить пронизательность.

Ло Цзяньцин крепко сжал пальцы, в отчаянии ожидая ответа этого человека.

Спустя долгое время раздался бесстрастный голос Сюань Линцзы:

— Раз он уже поступил на пик Хаомин, старший соратник Гуанлин непременно разберется во всем сам. Обсуди это дело со старшим соратником Гуанлином, попроси его провести тщательное расследование. Если все действительно так, не будь снисходителен.

Ло Цзяньцин до боли закусил губы, а огонь в его груди уже полыхал вовсю.

— Цзяньцин, ты ни в коем случае не должен вмешиваться в это дело. Запомни, ты обязан всецело сосредоточиться на практике и больше не иметь никаких дел с тем адептом.

Едва слова затихли, дверь бамбуковой хижины закрылась.

Ло Цзяньцин в полном одиночестве стоял перед этой хижинкой, все еще застыв в приветственном поклоне. Прошло еще много времени, прежде чем он медленно выпрямился и устремил на бамбуковое жилище горький, полный сложного чувства взгляд — казалось, он мог видеть человека внутри.

Да уж, он и забыл: в прошлый раз именно именной артефакт этого человека безжалостно пронзил его грудь. Тот меч был слишком холоден — так же холоден, как и этот человек. Десятилетия ученичества не значили ничего по сравнению с тем Ли Сючэнем, с которым тот провел восемнадцать лет. Если бы не божественный артефакт небесного ранга, меч Сюаньлин, Ли Сючэнь, сколь бы благосклонно к нему ни относился Небесный Путь, никогда бы не смог убить его превосходящим уровнем.

Но все случилось именно так — из-за меча Сюаньлин!

Мутная ци забурлила в груди, глаза Ло Цзяньцина сузились, и он быстро взмыл в воздух, направляясь в собственную бамбуковую хижину неподалеку. Едва переступив порог, его вырвало кровью прямо из глубины сердца, но то гневливое удушливое чувство, что неотступно преследовало его с момента перерождения, наконец рассеялось, сметенное поднявшейся до небес яростью.

— Ты мой учитель, а я твой ученик?

— В прошлой жизни я свято чтил правила и не смел переступить черту и на шаг — и что получил в конце?

— У Инь... У Инь!

— У Инь! Следующие три дня Ло Цзяньцин провёл в бамбуковой хижине, медитируя и приводя в порядок взбунтовавшуюся от гнева сердечную кровь. К полудню третьего дня Ло Цзяньцин издали слышал какой-то шум и гам, доносившийся из-под пика Юйсяо. Он тут же взял меч и спустился с горы, чтобы посмотреть в чём дело, и сразу же заметил этого непутёвого Се Цзыцзо.

Уголок рта Ло Цзяньцина дернулся, и он тут же повернулся, чтобы уйти.

Се Цзыцзо живо последовал за ним и, не говоря ни слова, внезапно рухнул на землю, намертво вцепившись в ногу Ло Цзяньцина:

— Старший братец!

Ло Цзяньцин:

—

Спустя мгновение Ло Цзяньцин попытался стряхнуть прицепившегося к нему молодца, но не тут-то было: тот вцепился так крепко и намертво, словно собачий пластырь, и избавиться от него было никак не возможно.

Ло Цзяньцин бесстрастно произнес:

— Младший братец, ты ведь, как-никак, практик стадии Золотого Ядра, можно тебе проявить хоть капельку самоуважения?

Се Цзыцзо ни капли не смутился и покачал головой:

— Ни за что! Старший братец, пока ты не согласишься, я не встану!

Ло Цзяньцин:

—

Кое-как дотащив Се Цзыцзо волоком до самого пика Юйсяо, Ло Цзяньцин налил ему чашку чая с бамбуковых плантаций горы. Се Цзыцзо залпом осушил её, а затем и вовсе нагло схватил чайник и стал прямо из горла заливать чай внутрь, обращаясь с изысканным напитком словно скотина, жующая пионы. Ло Цзяньцин с укоризной покосился на него, но Се Цзыцзо сделал вид, будто ничего не заметил. Осушив чайник, он снова рухнул на колени и вцепился в ногу Ло Цзяньцина.

— Старший братец, спаси меня!

Ло Цзяньцин молча отвесил Се Цзыцзо крепкий щелчок по лбу, после чего наконец позволил ему объясниться.

Как выяснилось, в тот раз Се Цзыцзо донимал младшую сестрицу просьбой сварить пилюлю вовсе не ради себя, а ради питомца пятого младшего брата... В тот день Се Цзыцзо отправился на пик Укрощения Зверей, чтобы найти пятого брата, но самого его на месте не оказалось, зато обнаружился недавно прирученный им шестиранный духовный зверь.

Се Цзыцзо сделал огромный глоток чая и выпалил:

— Старший братец, шестиранный зверь! Он же по силе равен практике стадии Зарождения Души, к тому же он уже приручен!

Ло Цзяньцин приподнял одну бровь:

— И что же ты с ним сделал?

Се Цзыцзо хихикнул:

— Да мы просто подрались.

Ло Цзяньцин, конечно же, не верил, что Се Цзыцзо с его начальной стадией Золотого Ядра способен представлять хоть какую-то угрозу для шестиранного духовного зверя, однако случаются в жизни и неожиданности. Се Цзыцзо не знал, что у этого зверя были скрытые раны, и пятый младший брат как раз отлучился именно для того, чтобы разыскать для него целебные пилюли. Столкнувшись со столь бесцеремонной и наглой провокацией Се Цзыцзо, зверь, обладавший к тому же зачатками разума, не смог стерпеть и, наплевав на скрытые раны, кинулся в бой, в результате чего и был тяжело ранен Се Цзыцзо.

Сначала Се Цзыцзо даже успел подумать: Неужели я и вправду стал настолько силен?, после чего прибежавший на шум пятый младший брат отходил его так, что лицо превратилось в свиную голову.

Пятый младший брат уже приказал всем ученикам пика Укрощения Зверей: завидев Се Цзыцзо, избивать его до полусмерти, а если сил не хватает — звать его на помощь! Вот и получалось, что за всё время отсутствия Ло Цзяньцина Се Цзыцзо стал всеобщим мальчиком для битья, докатившись до такой жизни, что ему приходилось постоянно уходить в уединение, лишь бы спастись.

Сообразив, что он сам во всем виноват, Се Цзыцзо попытался уговорить младшую сестрицу сварить пилюлю, чтобы исцелить того зверя, но та и слушать его не захотела, поэтому ему вновь пришлось прийти за помощью к Ло Цзяньцину.

Утирая сопли и слёзы, Се Цзыцзо завыл:

— Старший братец, ровно через год состоится Великое состязание секты! Если мы не уладим дело с этим духовным зверем, пятый младший брат точно забьет меня до смерти! Пусть его собственная культивация уступает моей, но эти его чудовищные звери... Ты просто обязан меня спасти!

Приговаривая всё это, Се Цзыцзо еще крепче вцепился в чужую ногу и принялся перебирать события чуть ли не десятилетней давности. Сначала он припомнил, как в детстве отбывал вместе с Ло Цзяньцином наказание в Зала Увещаний, а затем завел речь об их совместном подвиге — как они подглядывали за купанием третьей старшей сестры...

От этих слов у Ло Цзяньцина на лбу запульсировала жилка:

— Прекрати нести чушь! Тогда это ты меня силком затащил, я даже не знал, что это купальня третьей сестры... кх-кх, к тому же не ты мне составлял компанию на наказании, а я тебе! Учитель он... — На этих словах голос его резко оборвался.

Се Цзыцзо не заметил странности в поведении Ло Цзяньцина и продолжил за него:

— Да-да-да, знаю-знаю, дядя Сюань Линцзы всегда был к тебе строг, и даже когда ты был ни при чем, заставлял тебя стоять на коленях вместе со мной. Старший братец, выручи меня в этот раз, я больше не буду просить твою нефритовую гребню-быка, только дай мне... О?

Перед глазами Се Цзыцзо внезапно появилась короткая коричневато-желтая нефритовая гребёнка.

Се Цзыцзо тут же цапнул её и, подняв голову, с застенчивой улыбкой уже собирался поблагодарить Ло Цзяньцина, как вдруг заметил, что его прославленный старший братец, известный как Бесценный Цветок Тайхуа, безмятежно улыбается. В его чистых, прозрачных глазах мерцали искорки звезд, словно способные затянуть человека в самую глубь.

— Отнеси это... младшей сестрице, — произнес Ло Цзяньцин, — и скажи ей, что моё сердце уже занято, пусть больше не тешит себя напрасными надеждами. Этот голос звучал мягко и низко, отчего Се Цзыцзо погрузился в какое-то зачарованное оцепенение, и лишь когда Ло Цзяньцин поднялся, чтобы проводить гостя, он наконец рассеянно пришел в себя. Сложным и

глубоким взглядом глядя на старшего брата, Се Цзычжо в конце концов не выдержал и произнес:

— Старший брат, тридцать три года дружбы... Младшая сестра никогда не забудет тебя. Даже если ты придумываешь такие отговорки, она ни за что не поверит.

Ло Цзяньцин невольно тихо рассмеялся, отчего Се Цзычжо на мгновение снова замер.

Как и в прошлой жизни, все вокруг считали, что его занятое сердце — лишь предлог, но никто не знал, что он вовсе не лгал.

Впрочем, слова Се Цзычжо подсказали Ло Цзяньцину кое-что, и он, нахмурившись, спросил:

— Если память мне не изменяет, через два месяца состоится первое испытание для новоприбывших адептов. На этот раз руководить отрядом отправят младшую сестру?

Се Цзычжо тяжело кивнул:

— Да, старший брат, младшую сестру.

Это событие осталось в столь далеком прошлом, но стоило лишь слегка намекнуть, как Ло Цзяньцин все вспомнил. Се Цзыцзо утверждал, что младшая сестренка не забудет своих чувств к нему, но в конце концов она все равно вышла замуж за Ли Сючэня, став его первой женой. Ведь именно во время этого испытания младшая сестрица вместе с Ли Сючэнем провалилась в пещеру какого-то могущественного мастера стадии Зарождения Души. В той древней руине она в конце концов поддалась яду похоти, и в безвыходном положении между ней и Ли Сючэнем произошло то самое. Судя по характеру Ли Сючэня и тому, как хорошо Се Цзычжо наследовал младшую сестрицу, он прекрасно мог представить, как этот па мальчишка на третьем этаже стадии Ци в ту пору, когда его младшая сестрица на ранней стадии Золотого Ядра находилась в беспамятстве, надругался над ней. Он помнил, что в прошлой жизни, после возвращения младшей сестры, та затворилась на целых пять лет, а перед уходом в затвор даже приходила на пик Юйсяо искать его. Младшая сестрица прождала у подножия пика целых десять дней. Желая заставить её отказаться от своих мыслей, он тогда проявил жестокость и не обратил на неё никакого внимания.

В то время младшая сестрица только-только перенесла удар, а тем, кто унизил её, был не кто иной, как Ли Сючэнь с пика Юйсяо. И всё же ради него она пришла в логово своего врага и продолжала упорно ждать. При одной мысли об этом сердце Ло Цзяньпина разрывалось от боли.

Он больше никогда не позволит этому негодю и пальцем тронуть его младшую сестрицу!

Даже если в дальнейшем Ли Сючэнь не раз спасал младшую сестрицу, и в конце концов она была вынуждена выйти за него замуж, Ло Цзяньпин всё равно не позволил бы Ли Сючэню силой овладеть его сестрицей в тех обстоятельствах. Эта книга под названием «Путь к бессмертию» была написана абсолютно бессовестно, и даже происходившее в той секретной обители в ней описывалось во всех подробностях. Эта старшая соученица уже давно пылала жаром, однако упрямо отказывалась шевелиться. В конце концов Ли Сючэнь больше не мог сдержаться и схватил её за руку. Из уголка глаза соученицы скатилась слеза, и спустя долгое время она наконец тоже ухватила Ли Сючэня за руку. Былая гордыня, с которой они встретились впервые, без следа испарилась под воздействием яха страсти. Ли Сючэнь

перевернулся, придавив эту высокомерную и своенравную старшую соученицу, и разорвал на ней одежды.

Описанное ниже было и вовсе стыдно произнести вслух.

Глаза Лу Ло Цзянцы уже покраснели. К подобному исходу Лу Ло Цзянц заранее морально подготовился. Постаравшись успокоить бушующие в душе чувства, он повернулся к Се Цзыцзою и произнес: — Я обращусь к почтенному главе с просьбой: двухмесячную вылазку возглавлю я. Передай младшей соученице, чтобы она не спешила и спокойно продолжала выплавлять для тебя пилюли.

Се Цзыцзой опешил: — Старший соученик, вести новичков на испытание — сущая мелочь, тебе вовсе не обязательно этим заниматься.

Лу Ло Цзянц тяжело покачал головой: — В этот раз я пойду сам.

Ничего не понимающий Се Цзыцзой кивнул. Уже собираясь уходить, он услышал, как Лу Ло Цзянц посмотрел на него холодным, равнодушным взглядом и спокойным тоном спросил: — Что стало с тем Ли Сюэчэнем после того, как он прибыл на пик Хаомин?

Стоило лишь упомянуть это имя, как лицо Се Цзыцзою помрачнело, и он ответил: — А что с ним могло стать? Кости у него донельзя дрянные, кажется, он до сих пор не вошел даже в стадию Оцицетворения.

Лу Ло Цзянц понимающе кивнул и напоследок тихо произнес: — Младший соученик, он мне не нравится.

Се Цзыцзой на мгновение замер, а затем ухмыльнулся: — Я всё понял, старший соученик, можешь не беспокоиться.

Вскоре Се Цзыцзой обратился в серебряную вспышку света и исчез за горизонтом. Что же касалось упомянутого ранее изгнания из секты, Лу Ло Цзянц не сказал Се Цзыцзою ни слова. Он прекрасно знал: стоишь ему заикнуться об этом впустую, как ему никто не поверит. К тому же эта Лю Сяосяо и сама толком не понимала, что именно произошло, и, скорее всего, до последнего выгораживала бы своего братца Сюэчэня.

Совершать подобные опрометчивые поступки, вспугивая змею в траве, Лу Ло Цзянц не собирался.

Глядя на буйную, сочную зелень лесов у подножия пика Юйсяо, Лу Ло Цзянц слегка нахмурился и наконец тяжело вздохнул.

Через два месяца ему предстояло вести новобранцев на испытание, а за это время ему было

необходимо сосредоточиться на культивации. По крайней мере, следовало обуздать хаотично мечущуюся по телу духовную энергию. Его уровень культивации... н-нельзя больше позволять ему падать!

<http://bllate.org/book/22487/2370936>